

СОЦИОЛОГИЯ

Н. П. Миронова

Религиозность современной студенческой молодежи Республики Коми: социологический анализ¹

УДК 316

Статья посвящена характеру религиозных ориентаций современной молодежи Республики Коми. Исследование проводилось на основании опросов студентов вузов в 2007–2012 гг. Анализ данных показал, что уровень религиозности современной молодежи в целом достаточно невысок. Вера понимается современными студентами преимущественно как выбор ценностей в культурной идентичности личности.

Ключевые слова: религиозность, современная молодежь, идентичность.

M. P. Mironova. Religiosity of modern students of the Komi Republic: sociological analysis

The article is connected with character of religious orientations of modern youth in the Komi Republic. Last data on this questionnaire in 2007-2012 of high schools students in Syktyvkar. The analysis of data showed that the level of religiosity of modern youth is low on a whole. The belief is understood by modern students widely as a choice of values in the cultural identity of the personality.

Key words: religiosity, modern youth, identity.

© Миронова Н. П., 2014.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ориентированных фундаментальных исследований «Арктика» №12-66-9-005 «Межкультурное взаимодействие и конструирование культурных границ на Европейском Севере России: мониторинг этнической конфликтности и оценка перспектив гражданской консолидации».

Современное российское общество развивается в условиях очевидной мировоззренческой трансформации. Резкие изменения сферы духовного бытия, ситуация общественной и личной аномии стимулируют рост мистических, иррациональных настроений и вовлечение восприимчивой и мобильной молодежи в различные религиозные течения. Уровень религиозности и отношение к религии признается неотъемлемой частью социокультурной самоидентификации молодежи и является одной из форм социальной адаптации и становления нравственно-идеологических ориентиров.

Под религией в самом широком значении понимается связь с Высшим, со Святым, открытость и доверие к Нему, готовность принять в качестве руководящих начал своей жизни то, что исходит от Высшего и открывается человеку при встречах с Ним. Таким образом, религиозность является субъективным аспектом религии, так как она определяет личностное приспособление человека к определенным требованиям религиозной жизни. В рамках данной работы нами будет рассматриваться не отношение молодежи к религии, как знание и исполнение системы верований и обрядов, а субъективное чувство религиозности, место религии в идентификационной модели поведения. При этом религиозность имеет и количественные, и качественные показатели. Количественные – это степень религиозности, выражающая степень вовлеченности индивида в культовую практику («воцерковленность» у православных) и степень понимания индивидом догматики той конфессии, к которой себя индивид причисляет. Качественные – это содержание религиозности, то есть, собственно, во что человек верит, что составляет объект его религиозных воззрений. При рассмотрении качественных показателей религиозности мы предлагаем выделить религиозность первичную и вторичную. Первичная религиозность, или религиозность конфессиональная – это самоопределение верующего относительно существующих конфессий, иначе говоря, это то, к какой конфессии верующий себя формально относит. Конфессию, к которой верующий себя относит, назовем декларируемой конфессией относительно этого верующего. Вторичная же религиозность – это конкретная для каждого человека совокупность его религиозных взглядов, каковая совокупность отнюдь не всегда соответствует догматике декларируемой конфессии.

Проблема религиозности достаточно хорошо освещена в отечественной и зарубежной социологии и культурологии. Особенностью

изучения религиозности является фактическое отсутствие единого теоретико-методологического подхода. Фактически каждый автор, работающий в данной теме, вырабатывает свой подход. Тем не менее еще во времена зарождения социологии были выработаны две генеральных линии, в рамках которых осуществляются подобные подходы. Первую линию можно условно назвать дюркгеймовской. Данный подход оправдывает себя в моноконфессиональных обществах, характеризующихся устойчивыми этнокультурными комплексами. Продолжателями линии Э. Дюркгейма стали Б. Малиновский, Д. Фрэзер, А. Тейлор, А. Рэдклифф-Браун [7]. Позиция Дюркгейма подвергалась критике со стороны Р. Мертон, считавшего, что религия выполняет не только интегрирующую, но и дезинтегрирующую функцию [3: 25]. Влияние культурных факторов на образование религиозных систем рассматривал Г. Зиммель [11]. Парсонс, как и Зиммель, считал, что религия играет в обществе интегративную функцию, представляя собой культурные элементы в соотношении их с «конечными проблемами существования» [19]. Р. Мертон, кстати, критиковал именно такую позицию и говорил о ситуационной вариативности функций религии. При этом религия рассматривается как символическая система [16: 400].

Вторую линию можно условно назвать веберовской по ее основателю – М. Веберу, держащемуся в корне отличного от Дюркгейма подхода. Данный подход выбран Вебером в силу того, что общество, знакомое Веберу – то есть Германия, или, вернее, германский культурный ареал, поликонфессионально, и в таком обществе возможна смена конфессий. Именно этот подход пригоден при изучении современных обществ [5; 6]. Продолжателями веберовской линии стали Э. Трельч, описавший сектантство как явление, Р. Нибур, создавший использующуюся до сих пор классификацию религиозных образований, Д. Кэмпбелл, создавший теорию культового пространства, Р. Белла, по примеру Вебера рассмотревший влияние новых конфессиональных образований. К. Маркс и Ф. Энгельс также близки к подходу Вебера [8: 115]. Зарубежная социология религии шла по пути создания множественности критериев религиозности и основывалась на концепции влияния религии на образ жизни человека. Большой вклад в изучение религии как социально-психологического явления внес Э. Фромм, который считал, что религия может иметь как инсти-

туциализированные, так и неинституциализированные формы, и, более того, религиозность присуща каждому человеку [23].

В дореволюционной России исследования религиозности проводились в рамках теософского направления, прежде всего философами Серебряного века, в условиях, когда православие было возведено в ранг официальной идеологии. Наиболее широко данная проблематика освещена в научной литературе советского периода. Советская научная литература по вопросам социологии религии и религиоведения имеет ярко выраженную атеистическую специфику. Обобщенный опыт и результаты этих исследований приведены в работе В. Д. Кобецкого «Социологическое изучение религиозности и атеизма» [14]. Изучение религиозности молодежи в советское время проводилось в рамках общего изучения религиозности населения. В основном изучение религиозности молодежи в СССР проводилось с целью выяснить степень эффективности атеистического воспитания. В Республике Коми одними из первых социологических исследований молодежи были работы М. Б. Рогачева и О. В. Котова по атеистическому воспитанию и уровню религиозности молодежи в советское время [15; 21].

Роль религиозного фактора, прежде всего православия, в национальной идентичности выступала на первый план по мере кризиса и распада СССР и, соответственно, советской идентичности. В советское время слово «русский» было очень близко по значению слову «советский» и подразумевало как совершенно очевидное своеобразие, так и характеристики, которые могут являться предметом гордости, придавать этому своеобразие ценность (первое в мире социалистическое государство, бесплатное образование и медицина, великая военная держава, успехи в космосе, «зато мы делаем ракеты» и т. д.).

С распадом государства русские оказываются в ситуации, когда не совсем ясно, в чем «русскость» заключается. И в данном случае православие воспринимается не столько как религия, сколько как символ русского своеобразия и некой духовной ценности этого своеобразия, как что-то, что может быть с гордостью противопоставлено другим и ценность чего эти другие тоже в какой-то мере признают [13; 22]. Что в значительной степени изменило и направления в исследовании религиозности как элемента национальной идентичности. В целом в постсоветский период исследования религиозности значительно углубляются, расширяется их проблематика и теоретико-методологическая база [13; 24]. Из значительных современных авто-

ров, работающих на материалах Европейского Севера, необходимо отметить Е. И. Аринина [1; 2]. Тема религиозности современной студенческой молодежи в России и за ее пределами оформилась в специальную проблему [4; 17; 18]. Если религиозность населения в целом уже давно является предметом внимания российских социологов, особенно накануне и после 1000-летия крещения Руси, то специальные социологические исследования религиозности молодежи начались совсем недавно. Предметом этих исследований являются верования молодежи; ее отношение к религии; религиозная деятельность, факторы, влияющие на религиозность юношей и девушек. Объектом таких исследований, как правило, является молодежь (15–30 лет), учащаяся в различных учебных заведениях. Все социологи отмечают рост религиозности молодежи в настоящее время, по сравнению с восьмидесятыми годами, но некоторый процент молодых россиян обращается к деятельности в нетрадиционных религиозных организациях, большинство из которых деструктивные.

В Республике Коми тема отношения к религии в молодежной среде рассматривалась в рамках анализа социокультурной и этнической самоидентификации студенчества. По данной теме в 2007 г. был проведен анкетный опрос студентов дневного отделения вузов г. Сыктывкара (всего опрошено 500 чел.), по схожей программе было проведено исследование в 2012 г. (300 чел.). Для анализа структуры идентичности современной молодежи респондентам было предложено расположить в порядке предпочтения (или в виде рейтинга) следующий набор высказываний: 1) я, прежде всего, представитель своего народа (русский, коми, украинец и др.); 2) я, прежде всего, россиянин; 3) я, прежде всего, европеец; 4) я, прежде всего, приверженец своей религии (православный, мусульманин и др.); 5) я, прежде всего, человек (личность); 6) свой вариант. Более 85 % ответивших на вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь, кем во вторую и т. д.?» в обоих выборках на первое место в системе идентификации ставят социальные, профессиональные, гендерные формы идентичности. При анализе распределения религиозной принадлежности в рейтинге идентичности («я, прежде всего, приверженец своей религии») в зависимости от этнической принадлежности были получены следующие результаты: 1) в целом религия не занимает ведущих позиций в идентификации современной молодежи Республики Коми, представители всех этнических групп преимущественно отмечают ее

на четвертом и пятом месте; 2) практически совпадает отношение к религии у русской молодежи и представителей других нетитульных этнических групп республики, среди коми молодежи на 15 % больше респондентов отвели четвертое место религиозной принадлежности.

При более подробном рассмотрении уровня религиозности в зависимости от ряда признаков, таких как пол, место жительства (город/село), направление специальности (гуманитарное/техническое), характер распределения в целом сохраняется и религии в большинстве случаев отводится четвертое и пятое места в рейтинге. При этом можно отметить некоторые особенности: 1) опрошенные девушки в 3 раза чаще определяют приверженность к религии на втором и четвертом месте; 2) религиозность сельской молодежи несколько выше, чем у городской, представители сельской молодежи в 2 раза чаще определяют религию на втором месте, чем городская.

В целом полученные данные подтверждают, что социокультурная идентификация коми и русской молодежи Республики Коми в целом схожа по своему характеру и включает одни и те же типы идентификационного поведения. Полученное распределение типов идентификационного поведения молодежи может свидетельствовать о том, что этнокультурная граница между коми и русскими жителями республики невелика.

В таких сложных психологических и культурологических вопросах, как сущность, содержание и уровень религиозности, которые сопряжены не столько с общими социальными процессами, а с личным выбором каждого человека, количественный анализ не позволяет полностью охарактеризовать содержание религиозности, а только определяет общие тенденции развития данного феномена. Поэтому в данном случае кажется целесообразным обратиться к содержанию глубинных интервью на тему: «Какое место в твоей жизни занимает религия? Считаешь ли ты себя религиозным человеком?» со студентами вузов г. Сыктывкара (за весь период исследования было проинтервьюировано 23 студента в возрасте от 20 до 24 лет). Весь комплекс представлений о месте религии в жизни современной молодежи Республики Коми можно рассмотреть в рамках классификации, приведенной в работе Владимира Ильина «Быт и бытие молодежи российского мегаполиса», по которой выделяется несколько вариантов «пути к церкви», основными среди которых являются «традиционный», «трагический» и «ищущий» [12: 350].

«Традиционный». Это наиболее распространенный путь. Часто обращение в веру происходит в детстве в контексте семейного социокультурного поля. После выхода за его пределы в процессе взросления нередко пересматривается и мировоззрение.

«По-моему, человек в современном мире может быть религиозным, если его так воспитали родители, крестили его и приобщали к церкви...»

«Трагический». Когда у человека в жизни случается беда, он чувствует себя беспомощным и одиноким. Церковь же предлагает универсальную опору: у Бога всегда есть силы и время выслушать сетования, вера в него выступает как основание веры в то, что все будет хорошо.

«Сказать однозначно, что я религиозный человек и что религия занимает в моей жизни особое место, я не могу. Но в моей жизни были ситуации, когда необходимо было во что-то поверить. Я попала в ДТП и осталась жива, после этого я стала верить, что есть кто-то сверху, который оберегает нас. И сейчас, когда мне плохо, я обращаюсь к Богу...».

«Ищущий». Для этого типа характерно «обретение веры в Бога» через пытливые искания ума. Можно сказать, что представители этого типа испытывают особую потребность в том, чтобы доказать себе существование Бога.

«Я считаю себя религиозным человеком. Но я не считаю, что я должна посещать все церковные службы, исповедоваться и все такое. Я считаю, что верить надо в душе, а не в ритуалах. Я верю в что-то высшее, в то, что нам помогает в трудную минуту. Я еще не дошла сама до Бога и не удостоверилась, что он есть».

Большинство церквей предполагают, что вера не является сугубо частным взглядом на мир. Она разворачивается в религиозных практиках посещения церкви, участия в коллективных молитвах, соблюдении постов, чтении священных текстов, корректировке повседневной жизни. Поэтому о глубине веры окружающие судят по поведению. В январе и феврале 2008 г. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел репрезентативные для взрослого населения страны опросы, посвященные проблеме религии (выборка 1600 россиян). Исследование показало, что по роду занятий, повышенной религиозностью отличаются пенсионеры, служащие без специального образования и руководители, управленческие работники, ниже сред-

ней религиозность у рабочих, значительно ниже – у учащейся молодежи, хотя с возрастом религиозность постепенно растет (18–24 года – 29 %, 25–39 лет – 38 %, 40–54 года – 44 %, 55 лет и старше – 49 %) [9]. Вера – это сущность, являющаяся в форме религиозного стиля жизни. Наиболее зримое ее проявление – посещение богослужений. По этому измерению Россия находится на одном из последних мест в Европе и мире [24: 25]. Более того (и это значительно более важно), никакого роста регулярного посещения церквей за весь период «религиозного возрождения России» с начала 1990-х гг. вообще не произошло, несмотря на то, что с открытием громадного числа новых и восстановлением старых церквей теперь ходить в церковь стало намного легче. Выросло, и то ненамного, лишь число тех, кто посещает церковь несколько раз в году.

Согласно данным, полученным в результате опроса 2012 г., около 40 % молодежи посещают церковь только по большим религиозным праздникам (Рождество, Пасха, Троица) и семейным событиям (свадьба, похороны), тогда как 30 % не посещают совсем, что говорит о преобладании формальной религиозности, избирательности и фрагментарности религиозного поведения студенчества.

О том, что в сознании студентов преобладает мировоззренческая неопределенность, можно судить по тому, что более 40 % опрошенных в 2012 г. студентов верят в колдовство, магию и народных целителей. Также пятая часть из опрошенных верит в предсказания астрологов и гороскопы.

При этом 14 % молодых людей отметили, что считают себя верующими и соблюдают обряды, но все-таки подавляющее число – более 60 % – определяют себя как верующие, но не соблюдают обрядов, «колеблющимися» себя назвали 7 % студентов, а 3 % считает, что с религией сегодня нужно бороться.

В целом анализ такой меняющейся с течением жизни категории как религиозность достаточно сложен и ощущение нерелигиозности молодежи в какой-то мере может быть ложно. На сегодня трудно оценить, сколько молодых атеистов в зрелом возрасте превратится в глубоко верующих людей. В какой-то мере такой процесс наверняка будет происходить. Тем более что современная молодежь воспитывается в «прорелигиозной» обстановке, в обществе, лояльном к религии.

По вопросу о религиозности исследователи сегодня все чаще говорят о состоянии мировоззренческой неопределенности, в которой

оказалось общество в результате ухода в прошлое двух ярких исторических российских мировоззрений – традиционного православия и марксистско-ленинского атеизма. Данные процессы отражаются и в современной молодежной среде, поскольку религиозность в разной мере отмечается во всех основных типах идентификации и в суждениях о роли религии преобладает дискурс «ищущего» религиозно-мировоззренческих ориентиров. На наш взгляд, этот «ищущий» тип людей, представителей «нетрадиционной эклектической религиозности», можно в какой-то мере уловить и в наших опросах, хотя вычленить его в силу его специфической неустойчивости и неопределенности крайне сложно. Таким образом, религия не занимает центральных позиций в системе самоидентификации студенческой молодежи. При этом вера и религиозность понимается современным студенчеством достаточно широко как ценностный выбор, который входит в поле культурной идентичности личности. Главным в содержании религиозности является не реальная воцерковленность, а формирование религиозного мировоззрения с характерными ценностными установками, связанными с вопросами спасения и нравственности.

-
1. Аригин Е. И. Религия вчера, сегодня, завтра: курс лекций по истории религии. Вып. 1: Возникновение религии. Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1993. 175 с.
 2. Аригин Е. И. Философия религии. Принципы сущностного анализа. Архангельск: ПГУ имени М. В. Ломоносова, 1998.
 3. Барзгова Е. С. Американская социология (традиции и современность): Курс лекций. Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей, 1997. 176 с.
 4. Васильев В. Г., Мазин В. О., Мартыненко Н. И. Отношение студенческой молодежи к религии. М., 2005.
 5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
 6. Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. М., 1994.
 7. Гальбвасс М. Возникновение религиозного чувства по Дюркгейму // Происхождение религии в понимании буржуазных ученых. М., 1932.
 8. Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитар. спец. М.: Наука, 1995. 223 с.
 9. Голов А. А. Религиозность, а также что люди обретают в религии: сайт. URL: <http://www.levada.ru>

10. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
11. Зиммель Г. К социологии религии. Избранное. Т. 1. М., 1996. С. 618–635.
12. Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007. С. 350.
13. Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. М., 1997. № 6.
14. Кобецкий В. Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
15. Котов О. В., Рогачев М. Б. «В бога не верю». Молодежь: религия и атеизм. Сыктывкар, 1984.
16. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 379–447.
17. Мchedлов М. П. Религиозность российской молодежи // Социс-1998. № 6. С. 107–111.
18. Немировский В. Г., Стариков П. А. О квазирелигиозных представлениях студентов Красноярска (1988–2000 гг.) // Социс. 2003. № 10. С. 96–101.
19. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002.
20. Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России: сб. статей / под ред. С. Б. Филатова. СПб.: Летний сад, 2003.
21. Рогачев М. Б. Время против религии. Сыктывкар, 1986.
22. Рыжова С. В. Русское самосознание и этничность в православном дискурсе 90-х годов: толерантность и экстремизм // Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2003. С. 20–47.
23. Фромм Э. Психоанализ и религия. М.: Аст, 2010. 160 с.
24. Фурман Д., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы. Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. проф. К. Каарияйнена и проф. Д. Е. Фурмана. Гл. 1. СПб.; М.: Летний сад, 2000. С. 25.
25. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М., 1996.